

СЕНТЯБРЬ

2 сентября 1919 г.

Письмо Б. Григорьева к Рериху Н.К.

2 сент. 919 / Berlin

Дорогой Николай Константинович? Вы спрашиваете о Ваших вещах в Петербурге, выставленных во дворце в 1919 г. зимой. Это были великолепные пейзажи Севера. Помню остров в море, около него лодка со святым. Тихие небеса, поразительные по краскам и спокойствию. Всего четыре пейзажа.

Никого не видел, ни Набокова, ни Гессена, нет никого, должно быть, на даче. Какая дрянная публика из Мюнхена и из Лейпцига с выставок не отвечают. Не могу собрать ни Ваши, ни моих вещей, взятых до войны ещё. В Америке вы увидите новых людей.

Вам писал просьбу «Ullstein» и мою написать статейку о моих рисунках. Книга ещё не готова, Вам хотят послать только отпечатки рисунков (40 штук), чтобы застать Вас ещё в Лондоне. Думаю, что Вы не откажете прислать Ваше слово обо мне. Книгу мы Вам пошлём в Америку, а может ещё успеем и в Лондон. Задержался с Вашими фотографиями, завтра с этим письмом высылаю. Спасибо за них, чего не успел сделать, то переснял. Как тяжело сейчас в Берлине. Удастся ли довести мою большую картину? Красок она ест уйму, а цены растут. Это обидно.

О Вас часто слышу от разных еврейчиков. Тут какие-то кабаки они чинят, такая чепуха и наглость. Скверно и скверно.

Дризен тоже едет в Париж. Я только уеду 15-го, придут мои Шибера, буду им продавать картины с уступкой. А жаль разбивать цикл. Хотел бы для Парижа оставить.

Ах, много хотел бы!

Говорят, Вы очень увлекаетесь спиритизмом.

Я же – одиночеством, всё более тянет уйти от всего и всех, в свою «скорлупу». Уйду ли? Должно быть, след для этого и ничтожен. В Париже много разных Гурьянов, Молло, именно от них письма, зовут и обнадёживают. Жду только квартиру и мой новый адрес. Хлопочет Молло. Он человека отличает. Знали ли Вы этого Петербургского коллекционера? У него я видел и Вашу вещь. Сегодня читали ли в английском журнале “The new Russia ” цитаты из моих воспоминаний в переводе. Опять пишу и печатаю. Как это глупо, зачем? А может быть ещё и не всё потеряно. Я верю в Россию, она вернётся! Вот и пишу.

Желаю Вам, дорогой друг, много счастья и уехать в Америку. А забастовка не будет. Я в это хочу верить. Дела ведь теперь значительно лучше. Это видно из всего.

Ну пока. Привет Вашей супруге.

Ваш Борис Григорьев

4 сентября 1919 г.

Немцы и искусство
Статья акад. Н. К. Рериха

- Вы спрашиваете о бойкоте германцами русского искусства?

После сожжения Лувена, после германских зверств я уже писал, что всем культурным странам нельзя иметь ничего общего с современной варварской Германией.

Чтя всемирных Бетховена, Баха, Вагнера, Гёте, Шиллера, Кранаха, Гольбейна, мы видим, что современная, якобы «культурная» Германия не протестовала против постыдных варварских деяний.

Напротив, Гауптман, Шнитцлер и другие «лучшие», как знаем, подписываются под дикими уничтожениями, забывая, что после многовековых достижений человечества поднять руку *на книгу, на произведение искусства* - непростительно.

Также уже писал я, что, если священные предметы искусства и науки не возвысили, не улучшили дикую тевтонскую нацию, то следует эти предметы взять от немцев и передать в культурные, честные руки, где они выполняют своё высокое назначение.

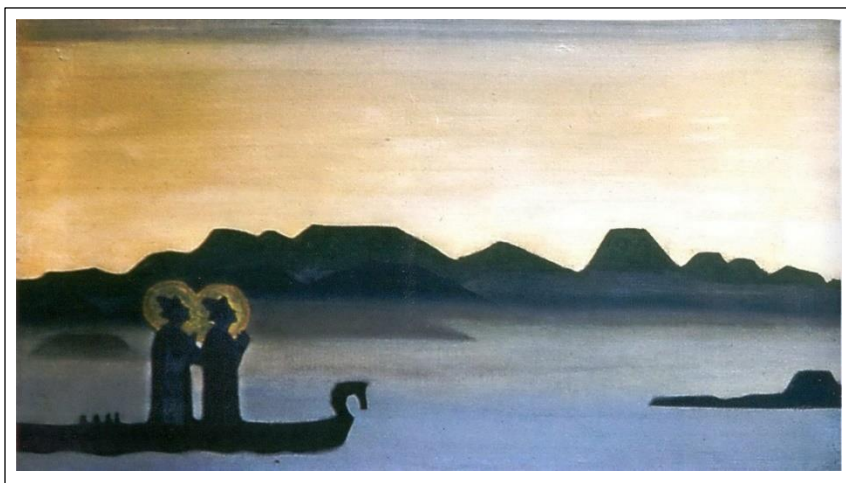
О современном германском искусстве мы не были высокого мнения, но у нас остались хвалебные немецкие статьи о русской живописи, о русском театре, о выступлениях Дягилева, о всём русском творчестве.

Немцы упустили одно: не они могут бойкотировать русское искусство; искусство всего культурного мира с этого времени минует Германию, которая может жить со своим лживым нибелунгом Миме - Кайзером.

Всюду повторим: Россия жива, сильна, сплочена во всех своих народах, во всём своём творчестве.

Н. Рерих [факсимиле]

Биржевые ведомости. 1914. 4/17 сентября. Вечерний выпуск. Четверг. № 14353. С. 4.

Н.К. Рерих. Св. Борис и Глеб. 1919.

<3-4 сентября 1919 г.>

Письмо Л. Андреева к Рериху Н.К.

Дорогой мой Николай Константинович! Только что прибыл из Гельсингфорса и нашёл Ваше письмо относительно «Черных масок», кн. Марии Павловны и Ярошинского. Прислано оно по почте, так что посланца никакого не видал. И, вероятно, этому письму предшествовали другие, потому что из этого я ничего не понял: в чём, собственно, дело? Получили ли Вы моё письмо относительно Америки? И теперь я в некотором расстройстве ума - Америка или Англия?

Здесь, как я и предполагал, ничего из моей пропаганды выйти не может. Я видел много людей, видел и теперешних министров (одного), много слышал о положении, и вся невозможность поставить дело пропаганды так, как я хотел: в широком «государственном» масштабе, встала передо мною воочию. Само новое министерство, едва родившись, уже дышит на ладан и разваливается. Ушли Карташев, С.В. Иванов, Бутлеров, наконец, Александров, из общественных деятелей остаётся только Кедрин да Маргулиес, если его считать за обществ<енного> деятеля. Дальше смутное безличие. Не решаюсь в письме высказывать своё мнение о министрах, но оно самое отрицательное. Карташев (чудесный человек) вернулся к своему первобытному комитетскому существованию и стремится за границу. И. Гессену предлагали пропаганду, но он отказался и всё мечтает о еженедельном журнальчике. Издают в Ревеле под руководством Кирдецова (!) и при содействии, кажется, вернувшегося Арабажина «Новую Россию», орган без денег, настоящего и будущего, но уже «с прошлым». Впечатление от людей и разговоров самое тошнотворное: уозость, мелкота, личное; меня, конечно, боятся, хотя очень любезны. Странно сказать, но целыми днями я испытываю физически тошноту. Исключение, повторяю, Карташев, который, действительно, совсем не «деловит», но видит шире и яснее других и совсем лишён личного и корысти.

И какая тоска! даже милые шхеры не могли вытащить меня из этой чёрной ямы. Тоска, шаткое сердце и горькие мысли о бессилии и конченое, какое это проклятие: семья «зарабатывает»; уйти бы мне в тихую келью итальянского монастыря и там собраться с мыслями о мире, а вместо того - Америка! Янки дудль! Кинематограф! Ложь!

Ну да ладно. Было в Гельсинках одно радостное впечатление, до сих пор вызывающее улыбку: это красная солнцеподобная сияющая физиономия Гуревича, который встречал меня на вокзале и придерживал рукою Гессена и Иванова, притащенных им также для встречи. Им было кисло и хотелось спать, а он сиял и, залив меня светом, мгновенно умчался на стокгольмский пароход, который уже уходил. А у самого дела плохие и забот множество. На днях продам Тервус, Турмаркины ищут квартиру.

Вернувшись, застал дом в переполохе. Только что на рассвете налетали аэропланы и бросали бомбы по соседству; одна бряк<ну>лась около Шереметевых. Жертв, кажется, нет, но грохот и паника были жестокие. Приходится для матери и детей уезжать, спешно укладываться и проделывать беженство. Поселяемся на даче Фальковского в Мустомяках, и адрес мой теперь значит такой: Мустомяки, дача Фальковского, Л.Н. Андрееву. Надоело это, мешает думать и сосредоточиться, дергает за нервы. Гудит, а кто? Нынче на рассвете видел стрельбу

шрапнелью из Кронштадта, должно быть тоже по аэроплану. Красиво, когда далеко. Наши говорят, что особенно страшно было, когда они, после бомб, пролетали обратно и гудели над самой крышей: им никто не мешает и держатся они очень низко. В довершение зол, я простудился, бегая раздетым смотреть стрельбу и слушать разные звуки, и сейчас пишу с трудом.

Все мои несчастья сводятся к одному: нет дома. Был прежде маленький дом: дача и Финляндия, с которыми сжился: наступит, бывало, осень, потемнеют ночи - и с радостью думаешь о тепле, свете, кабинете, сохраняющем следы десятилетней работы и мысли. Или из города с радостью бежишь домой, в тишину и своё. Был и большой дом: Россия с её могучей опорой, силами и простором. Был и самый просторный дом мой: искусство-творчество, куда уходила душа. И всё пропало. Вместо маленького дома - холодная, промёрзлая, обворованная дача с выбитыми стеклами, а кругом - чужая и враждебная Финляндия. Нет России. Нет и творчества. Как кандалы всюду волочу за собою большевика и тоску. Статьи - не творчество. И так жутко, пусто и страшно мне без моего царства, и словно потерял я всякую защиту от мира. И некуда прятаться ни от осенних ночей, ни от печали, ни от болезни. Изгнанник трижды: из дома, из России и из творчества, я страшнее всего ощущаю для себя потерю последнего, испытываю тоску по «балетристике», подобную тоске по родине. И не в том дело, что мне некогда писать или я нездоров — вздор! а просто вместе с гибнущей Россией ушло, куда-то девалось, пропало то, что было творчеством. Как зарница мигают безмолвные отражения далеких гроз, а самой грозы с её жизнью — нет. Прочтешь что-нибудь свое старое и удивляешься: как это я мог? откуда приходило в голову? Какой Вы счастливый, что, потеряв многое, как и я, сохранили творчество во всей его свежести и силе!

Ну, завтра буду о деле, а сейчас разболтался. О «Чёрных масках». Только в дни революции я понял, что это не только трагедия личности, а и трагедия целой революции, её подлинный печальный лик. Вот она, Революция, зажегшая огни среди мрака и ждущая званых на свой пир. Вот она, окружённая званными... или незванными? Кто эти маски? Черновы? Ленины? Но они еще знают Сатану. А вот и они, частицы великой человеческой мглы, от которых гаснут светильники. Ползут отовсюду, свет им не светит, огонь их не согревает и даже Сатаны они не знают. Черные маски. И гибель благородного Лоренцо. Да! можно, пользуясь цитатами, провести полную аналогию. И как это случилось, что трагедия личности, какую была задумана эта пьеса, стала трагедией истории, революции? Тут много интересного.

4 сентября

Из Штатов ещё нет ответа. Послал через Гессена телеграмму Бернштейну, скоро пошлю вторую с кратким изложением моего предложения. От Милюкова получил некое как бы пригласительное письмо в Лондон и даже 78 ф<унтов>. Во всяком разе до Америки мне необходимо побыть в Лондоне для координации действий — это даже без Вашего письма. А с тем, что Вы пишете о «Чёрных масках», работе в Лондоне и Ярошинском, все мои планы могут круто измениться.

Что может дать мне Лондон? Это я должен знать точно и определённо. Ведь моё положение таково, что без аванса от воображаемого импрессарио я не могу пуститься и в Штаты. Дело с закладом дома затягивается, вдобавок уехал Гуре-

вич, и хорошо, если к концу октября удастся получить 40 т<ысяч> марок - минус то, что я сейчас должаю на жизнь. Останутся сущие пустяки, а, уезжая, я должен оставить семье, сыну, которого удалось устроить в гельсингфорскую гимназию, на пансион у Игельстрома, очень хорошего человека — [нрзб] тысяч м<арок> в месяц. А одеть и проч.?

Вы пишете: возьмите семью. Это меня взволновало. Всей семьи я не возьму, громоздко, но мать-старуху хотел бы взять чрезвычайно, необходимость оставлять её на одиночество очень тяжела. Тогда нас, едущих, получится четверо: я, жена, сынишка Савва и мать, да трое останутся в Финляндии.

...На том берегу жестоко ревут пушки, дребезжат стёкла, трясётся машинка, вздрагивает дом; сейчас так стукнуло, что едва удержался на стуле, как на норовистой лошади. И пулемёт. В чём дело? День чудесный, солнечный, но даль в дымке и ничего не различить в тумане. Но все дома ждут к ночи аэропланов, так тут бывает: англичане налетают на Кронштадт, а дикий Кронштадт в отместку налетает на наш берег...

О Ярошинском я слышал, как о джентльмене. Это всё хорошо, но я никак не уясню себе своей роли в Лондоне: в чём будет моя работа? За что буду получать деньги, которые мне так анафемски нужны? И сколько? У меня кривит рот от этих вопросов, особенно последнего, но - Вы понимаете меня, мой друг! Конечно, если Лондон даёт мне возможность туда приехать и жить, то я могу поехать сравнительно скоро, не выжидая окончательного ответа от Америки: из Лондона легче будет сговориться. Ибо я всё же не оставляю мысли об этом Эльдорадо, где мне представляется единственная возможность подняться на ноги, снова стать независимым - стать художником! В Англии ко мне холодны (не говорю про Вас, такого верного друга, и про хороших русских, разумею англичан), в Америке температура много выше.

Вот Вам все мои соображения, чувства и обстоятельства - начистоту. Буду теперь с естественным нетерпением, считая минуты и последние марки, ждать Вашего всеобъясняющего письма. О визе я уже писал Набокову К<онстантину> Д<митриеви>чу, но если выйдет так, что можно взять и мать, то нужно добавить Анастасию Николаевну Андрееву, 67 лет. Наши паспортные отметки: я - 48 л., жена Анна Ильи<ни>шна - 35, сын Савва - 10. Хлопотать о визе здесь - почти безнадежно и берёт уйму времени.

Как только осяду в Мустомяках, сажусь кончать «Дневник Сатаны» и составлять лекции для почтенных янки. Между прочим (это пока в секрете) в Лондоне и Америке я хочу вести переговоры о некоей новой партии, которая (тише!) должна будет вместить в себе кадетов под несколько новой окраской; эта мысль идёт со стороны лиц весьма влиятельных, и мне кажется не только приемлемой, но и спасительной. Чтобы не опоздать на почту и не терять дня, решительно кончаю письмо. Горячо целую Вас, - и самый сердечный привет людям, волнующимся моей судьбой; меня только это держит. И до чего противно, что я всё о себе!

Ваш Леонид Андреев

Душевный привет А,А,

Леонид Андреев. Письма к Н.К. Рериху. Публикуется по изданию: De VISU. 1993. № 4. (Ежемесячный историко-литературный и билиографический журнал)

**<10 сентября 1919 г.>
Письмо Л. Андреева к Рериху Н.К.**

Дорогой друг! Сейчас получил Ваше письмецо об «английском судне», которое отвезёт меня в Англию. Боже, как я взволновался! Жена хотела тотчас же посылать телеграмму: не получили! Да, того письма «с приглашением» я не получал — затерялось — пропало! Более аккуратно приходят только заказные. Не могу писать, простужен, голова, сердце и проч. Пропадает ценное время: должен работать, кончать «Сатану», готовить материал для поездки. Просто беда! За Ваше милое внимание и заботу - благодарность от сердца. Если я совсем не пал духом и начинаю бодриться, то это делаете Вы (и Гуревич).

Обнимаю,

Ваш Леонид А.

Леонид Андреев. Письма к Н.К. Рериху. Публикуется по изданию: De VISU. 1993. № 4.

12 сентября 1919 г. Финляндия, дер. Нейвола

Леонид Николаевич Андреев

†

**«...Я, гонящийся за миражами, отрицающий
жизнь и неспособный к покою...»**

Л. Андреев

12 сентября 1919 года в Финляндии, в деревне Нейвола, в возрасте 48 лет умер знаменитый русский писатель Леонид Андреев. Совсем близкая – рукой подать – Россия, всего несколько лет назад следившая за каждым шагом этого человека, самого последнего его шага как будто и не заметила. Граница, обозначившая в 1918 году независимость Финляндии, оказалась почти непроницаемой, и долго еще в прессе сменяли друг друга подтверждения и опровержения печальной вести.

Тем не менее, были организованы две публичные церемонии прощания – благодаря усилиям М. Горького, особенно остро переживавшего смерть этого большого художника, с которым его лично связывала многолетняя и непростая история дружбы и вражды.....

Трагедия последнего года жизни Леонида Андреева была трагедией его полной изоляции от России и его невыносимой любви к ней. 19 мая 1918 года он записал в своем дневнике: «Вчера вечером нахлынула на меня тоска, та самая жестокая и страшная тоска, с которой я борюсь, как с самой смертью. Повод – газета, причина – гибель России и революции, а с нею и гибель всей жизни».

Снова он бросился в политику, оказался в чуждой, враждебной ему среде банкиров и помещиков и с ними был вынужден делить свою боль, свою утрату. «Это была первая смерть Леонида Андреева», – пишет в своих воспоминаниях Ф. Н. Фальковский. Призыв к гражданам союзных держав спасти Россию («S.O.S.», февраль 1919 г.), затем поиски контактов с «Северо-западным правительством» Юденича – все эти шаги отчаяния приближали конец; все чаще случались сердечные приступы. 12 сентября 1919 года в деревне Нейвола, куда семья писателя перебралась из-за близости фронта, Андреев умер от кровоизлияния в мозг. Вот свидетельство Ф. Н. Фальковского: «Я рылся в книгах, когда вдруг увидел перед собой Леонида Николаевича в пальто, с биноклем в руках. Он дрожал.

– Что с вами?

– Был на башне. Туманно. Искал Кронштадт и не нашел. Не нашёл...

На другой день он умер. На руках своей семьи, без графов и банкиров, в глубокой нищете. За всё время его пребывания в Финляндии – мне это доподлинно известно – рука его не коснулась ни одной копейки из того обгаренного братской кровью золота, которое сыпалось в карманы всех тех, кто примазывался к белому движению.

После его смерти во всём доме нашлось восемь финских марок».

Той зимой Андреев собирался ехать в Америку с лекциями...

* * *

«...Какой художник погиб в этом человеке! – говорил М. Горький ещё при жизни Леонида Андреева. – ...Все эти „бездны“ и „стены“ – плохо переваренный Достоевский с его склонностью блуждать по тупикам и лабиринтам. А русская литература не прощает оторванности от быта. Не принимаются на нашем чернозёме столь экзотические цветы. Всему есть историческое возмездие. Вот увидите: не мудрый, но честный писатель Куприн переживёт громкую славу Андреева, и мало кто об этом пожалеет...»

А. Богданов. Фрагменты вступительной статьи к собранию сочинений Л.Н. Андреева в 6 томах. Москва. Художественная литература. 1990.

ОКТЯБРЬ

9 октября 1919 г. Лондон

Письмо Арвида Лиденбен к Н. К. Рериху

Гельсингфорс, IX.X.1919

Профессору Н. Рериху

Лондон, Queen's Gate, 88. Отель Granby Court

Из-за отсутствия известий из Копенгагена мы спрашиваем Вас, профессор, чтобы напрямую узнать, как обстоят дела со страховкой повреждённых картин. Если дополнительные документы будут предоставлены, мы будем рады Вам помочь всем, чем сможем. Все картины сейчас отправлены Вам. Мы будем надеяться, что датская страховая компания выплатит Вам эту сумму. Наши усилия вообще ни к чему не привели. На наши письма мы не получили никакого ответа.

Мы предложили темперу многим художникам. Никто вообще не использует такие краски. Из-за этого мы не нашли покупателей на данный момент.

Мы будем очень рады получить несколько строк от Вас. Выставка в Лондоне уже организована?

С искренними пожеланиями,

Арвид Лиденбен

Salon Strindberg. Helsingki. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 1-2. Перевод со шведского Натальи и Петера Лундквист

22 октября 1919 г. Лондон.

Русская опера в Лондоне

Поскольку не менее пяти русских опер, включая замечательное произведение Стравинского «Соловей», будут услышаны на английском языке в наступающем сезоне Grand Opera в Ковент-Гарден. Сэр Томас Бичем привлёк к работе трёх известных театральных деятелей, каждый из которых достиг больших успехов в своей области. Это г-н Гаврилов, г-н Комиссаржевский и г-н Рерих. Первый из названных – безусловно, выдающийся танцор и постановщик; он будет отвечать за хореографическую сторону всех произведений. В которых есть танцевальные партии, и в дополнение к этому он ведёт балет в «Князе Игоре» и в других операх. Когда г-н Нижинский во время визита в Америку перестал принимать участие в русском балете, именно г-н Гаврилов встал на его место и помог довести турне до успешного завершения. Г-н Комиссаржевский был театральным директором бывшего Императорского оперного театра в Москве. Он будет отвечать за все детали, необходимые для полной русификации различных постановок. И, наконец, г-н Рерих – выдающийся художник, который будет отвечать за некоторые новшества и смелые сценические эффекты, среди которых – совершенно новые декорации для пролога к «Князю Игорю». ...

Daily Telegraph. 1919. 22 октября.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. 2011.

[1919 г.]

Письмо Н. К. Рерих к Дягилеву С.П.

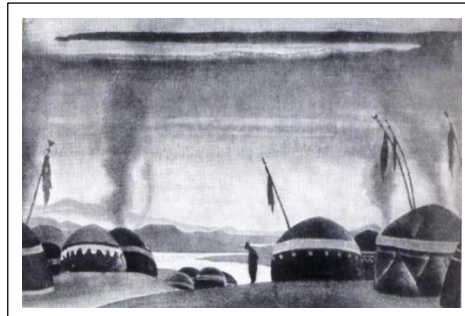
Дорогой С. П.

У меня сложилась новая версия «Половецкого стана» - пожалуй, вместо реставрации не сделать ли новую?

Уже три дня лежу - инфлуэнца и бронхит. Трудно со здешним климатом. Слышал, что теперь балет твой идёт превосходно.

Твой Н. Рерих

Публикуется по изданию: Сергей Дягилев и русское искусство. Т. 2. М.: Изобразительное искусство, 1982. С. 131.

Н.К. Рерих. Половецкий стан. 1919.
(Ч/б воспроизведение)

22 октября 1919 г. Лондон

Письмо Н. К. Рериха к В. П. Крымову В.П.

Многоуважаемый Владимир Пименович.

Ф. Ф. Комиссаржевский передал мне привет Ваш.

Мне также очень хочется встретиться, но сейчас у меня бронхит, который задержит меня дома ещё несколько дней.

Не хотите ли Вы посмотреть эскизы к «Царю Салтану»^{1*}), пока их не унесли в театр? Если послезавтра, в Пятницу, или в 11 утра, или в 3 дня соберётесь - я буду искренно рад. У нас так много общих тем.

Искренно преданный

Н. Рерих

22.X. 1919

25 (А квартира) Queen's Gate Terrace. S.W. (Gloucester Road St).

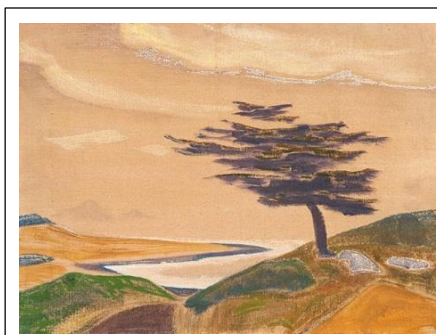
Les Manuscrits Slaves de la Bibliotheque Imperiale de Paris. № 126, vol. II. Correspondance (Krymov). Ff. 80. Архив национальной галереи в Париже.

Публикуется по: Н.К. Рерих. 1919-1920. Санкт-Петербург. КОСТА. 2011.

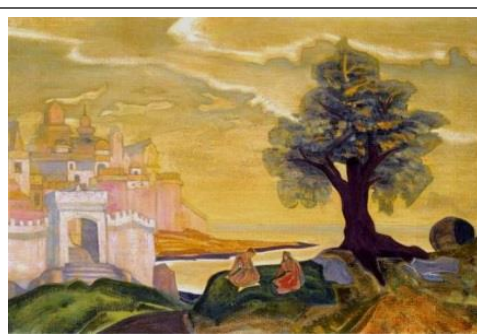
---

^{1 *}) Из-за банкротства Бичама лопнули «Царь Салтан», «Садко», «Золотой петушок». (Н.К. Рерих. "Срывы". 1944 г.)

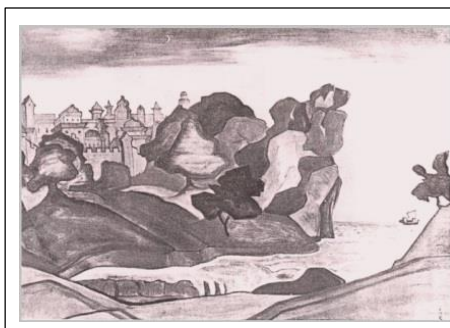
Н.К. Рерих Сюита «Царь Салтан»

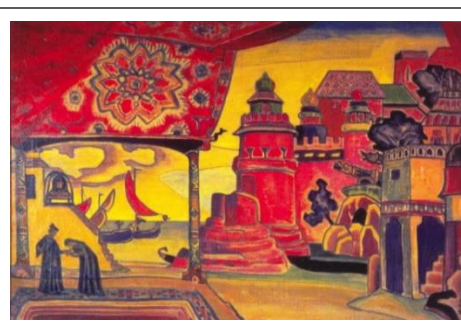
Берег.

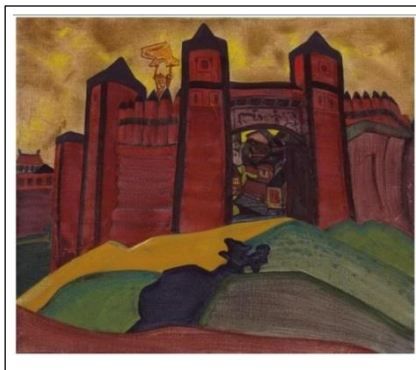
Берег Леденец.

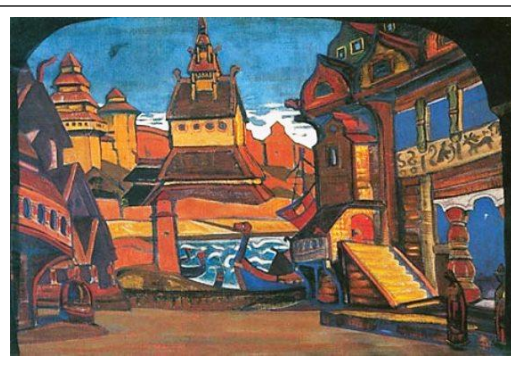
Город Леденец.

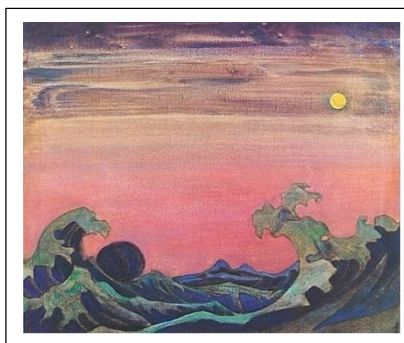
Дворец Леденец.

Ворота Тмутаракани.

Тмутаракань.

Синее море.

22 октября 1919 г. Лондон
Письмо Н. К. Рериха к М. К. Тенишевой

Дорогая Мария Клавдиевна!

Посылаю Вам листовку, изданную Liberation Committee. Дадите её, кому следует. Хорошо бы и французской прессе, которая ещё мало заботилась о России и о сущности большевизма.

Каждый день свирепо покупаем газеты — всё хотим видеть совершившееся занятие Питера. Но всё ещё нет! Всё ещё близко, но ещё нет! Пошли, наконец, Господи!

Здесь начались туманы. Климат здешний всё-таки очень плох. А при туманах у меня делается удушье. Очень жалею, что мы не в Париже. Была ли у Вас Ле-ди Эльджертон? Вероятно, ещё побывает моя бывшая ученица Попова (Билибина). Привет наш Екатерине Константиновне.

Искренно Ваш

Н. Рерих

22.X.1919.

25, Queen's Gate Terrace. S.W.

Российский гос. архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2408. Рерих Н. К. Оп. 2. Д. 8. Л. 1.

26 октября 1919 г. Лондон.

Новая нота в русской опере

За исключением, возможно, «Парсифаля», наиболее выдающимся явлением наступающего сезона Grand Opera английском, который открывается в Ковент-Гарден 3 ноября, будут русские работы, не менее пяти из которых включены в репертуар.

Одно дело – показывать русскую оперу, и другое – ставить её согласно русским традициям и русским идеям. Мало англичан, хоть немного знакомых с русскими обычаями и манерами и, соответственно, с тремя театральными деятелями – господами Рерихом, Комиссаржевским и Гавриловым, которые дополнили группу и которые являются гарантами того, что представления русской оперы не будут похожи на нечто «сделанное в Англии».

Г-н Рерих, конечно, тот самый известный художник, чьим усилиям в прошлом мы обязаны смелости и подлинности сценических декораций, которые в значительной мере способствовали превращению русской оперы в изумительный спектакль.

Когда «Князь Игорь» давался в прошлом сезоне, пролог и первая сцена были объединены вместе, в результате чего действие проиграло. Сейчас они разделены и поставлены в соответствующем порядке; г-н Рерих создал новое оформление к прологу. Г-ну Комиссаржевскому выпала обязанность по руководству сменой сценических декораций – задача, для которой он замечательно подходит, поскольку совсем недавно он был директором сцены бывшего Императорского оперного театра в Москве. Г-н Гаврилов – это тот самый хорошо известный танцор и хореограф, который показал себя достойным последователем г-на Нижинского, ранее считавшегося незаменимым.

Н. Trevor

Sunday Express. 1919. 26 октября.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. 1919-1920. Санкт-Петербург. КОСТА. 2011.

27 октября 1919 г. Лондон.
Письмо Н.К. Рериха к Тенишевой М.К.

Дорогая Мария Клавдиевна, из письма Екатерины Константиновны я узнал, что Вы тоже простужены (я сижу уже 2 недели дома). Посылаю Вам № журнала, издаваемого английским Министерством Иностранных Дел. Посылается он и в Россию. Любопытное предприятие. И всё-таки мы видим, что если что и остаётся в жизни – это искусство и знание. Только эти два устоя, на которых ещё какое-то взаимное понимание возможно. Вся же политика – это гибель человеческой культуры. И сейчас все наиболее бездарные элементы устремились в политику.

С трепетом читаем газеты о Питере. Как всё неясно. А главное, не ясен образ мышления тамошней массы. Это никто не понимает. Здесь у нас тоже неразберихи достаточно. Да и в нашей здешней театральной жизни я никогда не видал такой беспорядок, как в большой опере Covent Garden'a. Это что-то неопишное и часто недобросовестное. Как хочется, чтобы этого не было. Приходится жить так, как живётся. А если бы Вы видели последние постановки Дягилева – это уже не пропаганда, а уже началась профанация. Уже не балет, а цирк с канканом. Печально. И как хочется мыслить ко благу. А где оно, благо? Приятно одно, что остаются друзья, и если бы Вы видели, как Ваши письма перечитываются и нами, и нашими сыновьями!

Наш студент Юрик напишет Вам письмо по-санскритски. Он прав – углубляясь в мудрость Востока.

Привет Щербатовым. Не напишет ли он?

Благодарю Екатерину Константиновну за письмо.

Ваш искренно

Н. Рерих

27. X. 1919.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2408. Рерих Н.К. Оп. 2. Д. 8. Л. 2-3.

27 октября 1919 г. Лондон.

Россия в Ковент-Гарден

Известные деятели искусства приглашены сэром Томасом Бичемом

Так как не менее пяти русских опер будут услышаны на английском языке в течение наступающего сезона в Королевском оперном театре Ковент-Гарден, сэр Томас Бичем привлёк к работе трёх известных деятелей искусства, каждый из которых – признанный мастер в своей области.

Этими деятелями искусства являются г-н Гаврилов, к-н Комиссаржевский и г-н Рерих. Г-н Гаврилов – это, конечно же, тот самый выдающийся танцор и постановщик. Он будет обеспечивать хореографическую часть в тех постановках, где это необходимо, и в дополнение к этому он ведёт балет в «Князе Игоре» и в других операх. Г-н Комиссаржевский – известный театральный директор бывшего Императорского оперного театра в Москве. Затем г-н Рерих – выдающийся художник, который будет отвечать за некоторые новшества и смелые сценические эффекты, среди которых – совершенно новые декорации для пролога к «Князю Игорю». ...

Evening Stanbard. 919. 27 октября.

Публикуется по: Н.К. Рерих. 1919-1920. Санкт-Петербург. КОСТА. 2011.

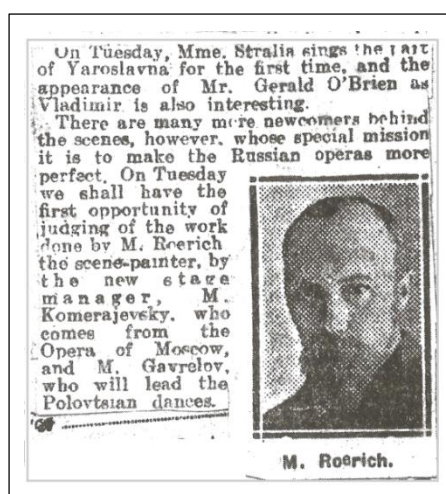
31 октября 1919 г. Лондон.

Хроника

Во вторник г-жа Стрална впервые исполнит партию Ярославны; интересно также исполнение г-ном Джеральдом О'Брайном партии Владимира.

Однако за сценой много и других новых лиц, чьей главной задачей является усовершенствование постановок русских опер. Во вторник² мы впервые будем иметь возможность оценить работу, сделанную художником-оформителем г-ном Рерихом, г-ном Комиссаржевским – новым сценическим управляющим, который работал ранее в Московской опере, и г-ном Гавриловым, отвечающим за постановку половецких плясок.

Daily News. 1919. 31 октября. Помещено фото Н.К. Рериха.

Бум русской оперы Известные деятели искусства для Ковент-Гарден

Русское искусство обещает стать ещё более заметным, чем когда-либо, в глазах лондонской публики в течение следующих двенадцати месяцев.

Принимая во внимание то обстоятельство, что не менее пяти русских опер, включая замечательную работу Стравинского «Соловей», будут слушаться в течение следующего сезона в Ковент-Гарден, сэр Томас Бичем пригласил трёх известных деятелей искусства – г-на Гаврилова, г-на Комиссаржевского и г-на Рериха.

Г-н Гаврилов – выдающийся танцор и постановщик, г-н Комиссаржевский – знаменитый управляющий сценой бывшего Императорского оперного театра в Москве; г-н Рерих – всемирно известный выдающийся художник. Он будет отвечать за некоторые новшества и смелые сценические эффекты, среди которых – полностью новая декорация к прологу «Князя Игоря». ...

[Статья из неизвестного издания]. 1919.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. 1919-1920. Санкт-Петербург. КОСТА. 2011.

---

² Вторник 4 ноября 1919 г.

НОЯБРЬ

7 ноября 1919. Лондон.

Письмо Н.К. Рериха к Тенишевой М.К.

Дорогая Мария Клавдиевна,

Порадовался за Вас, что Вы подвигаетесь к теплу, и огорчился – значит, значит вы опять от нас удаляетесь. За это время я поправился и начал работать. Даже успели с грехом пополам поставить «Игоря» в Royal Opera. Но что это за Опера! - наша Калуга или Царёвкокошанск, и при том величайшее самомнение. Все мы, и Коутс, и Комиссаржевский, опечалены театром, а публика ничего себе, и пишут, что успех большой. Настолько они не знают Россию (по-прежнему), что всё, что для нас из рук вон плохо, а им хорошо.

Общие наши русские дела приводят в уныние. Здесь прямо волна внимания к большевизму. А из Кембриджа и Оксфорда мне сообщают, что среди студенчества «радость разрушения!». Откуда эта глупость? Откуда стремление к самоуничтожению?! Из Италии писали мне, что на днях тоже возможен большевизм. Куда же направляется культура? Или, правда, как говорят теософы, что сейчас смена веков. Кали Юга (чёрный век) сменяется белым веком - культурой духа. Но ведь одна минута Браммы - это 200 000 земных лет!

Удалось ли Вам встретить Половцова? Здесь он всё ещё не появлялся. Шереметьевы уезжают в Стокгольм.

Нет ли у Вас новых вестей с юга России? Оба мои брата потерялись: Борис был в Киеве, а Владимир при Колчаке в Омске, но теперь оба исчезли. Вообще, с прошлого Декабря за время моей работы в Колчаковских организациях, сколько драм прошло перед глазами! Сколько благородных офицеров исчезало навсегда. А дело всё ещё так далеко. А всё-таки Русь будет!

Если уедете – сообщите новый адрес. Юрик шлёт Вам санскритский привет. Жена кланяется Вам и Екат. Конст.

Сердечно Ваш
7 Нояб. 1919

Н. Рерих

Российский государственный архив литературы и искусства . Ф. 2408. Рерих Н.К. Оп. 2.Д. 8. Л. 4-5 об.

8 ноября 1919 г. Лондон.

Художник-пророк Предчувствие русской революции

Творчество академика Николая Рериха, знаменитого русского художника, вероятно, известно любителям оперы больше, чем его имя, ввиду того, что он стал создателем немалого количества постановок, которые значительно способствовали славе русской оперы и русского балета. Картины академика Рериха украшают стены ряда наиболее известных картинных галерей и музеев Европы, а академии и общества континента усыпали его бесчисленными почестями и наградами.

Мизансцена, которую он создал для оперы Бородина «Князь Игорь», вызвала недавно бурное обсуждение у всех ценителей русской оперы, настолько замечательно она отражает, с точки зрения цветового решения, национальный колорит. Некоторые картины Рериха – пророческие, такие, как «Крик змия», «Град обречённый» и «Меч мужества» - они были написаны в 1913 и 1914 годах – в них он предсказал великий социальный переворот, который расколосил Россию от севера до юга. Когда произошла революция, большевистские лидеры предложили ему большую сумму денег³, если он перейдёт на их сторону, и только с величайшими трудностями ему удалось, в конце концов, выехать на запад. Не далее как в прошлом году берлинские власти сделали заманчивое предложение по организации выставки его картин в нескольких самых крупных городах – предложение, которое г-н Рерих, чьи симпатии решительно просоюзнические, презрительно отверг.

*Daily Express. 1919. 8 [ноября]. Помещено фото Н.К. Рериха.
Публикуется по изданию: Н.К. Рерих 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011.*

11 ноября 1919 г.
Письмо Н.К. Рериха к Крымову В.П.

Многоуважаемый Владимир Пименович,
Посылаю Вам статью Голосова⁴. Полагаю, что она с добавлениями может идти. Утром позвоню. Спасибо Вам.

Искренно Вам предан.

Н.К. Рерих

11.XI. 1919

*Архив национальной галереи в Париже.
Публикуется по изданию: Н.К. Рерих 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011.*

Ноябрь 1919 г. Лондон.
Письмо Н.К. Рериха к Стравинскому И.Ф.

Дорогой Игорь, слушаю с восторгом успехе твоего «Соловья»⁵. Нет ли у тебя «Весны священной»? Не пришлешь ли мне экземпляр? Не проясняются наши Русские дела! С огорчением читаю невесёлые вести. Тоскливо.

³ Документального подтверждения этой информации не найдено. – *Ред.*

⁴ И.Голосов. Неожиданные встречи. – см. в данном издании 25 августа 1918 г.

Ещё раз спасибо за радость в «Соловье».
Привет твоим. Н.Р.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011

14 ноября 1919 г. Лондон.

«Князь Игорь» Волнующий успех оперы

Две вещи в «Князе Игоре» обладают величием: это тема и музыка – обе обеспечивают произведению особое положение в иерархии русской оперы. Начать с того, что контраст между простым русским народом и завоевывающими их азиатами сам по себе даёт великолепные возможности для зрелищных эффектов, а незатейливые восточные мелодии, которые Бородин принёс с родного Кавказа, добавляют экзотический аромат, дающий музыке достоверность, против его собственных попыток иногда её итализировать.

***

Вся постановка прошла вчера вечером великолепно и с воодушевляющим успехом. Трудно определить, чья доля в этом успехе больше, так как различные части оперы взаимопроникающи и взаимосвязаны, но большая его доля принадлежит дирижёру г-ну Альберту Коутсу и исключительно виртуальному управлению сценическими передвижениями.

***

Г-н Николай Рерих полностью изменил сделанные им ранее театральные декорации, оригинально их выполнив, и добавил пролог. Эффект очень живой и создаёт великолепный фон, что обещает показу стать одним из самых смелых представлений в репертуаре Бичема. По насыщенности впечатлений ни с чем несравнимо. Музыка упорно остаётся в памяти, и, несомненно, Бородин не принадлежит к числу тех композиторов, чья музыка забывается через поколение или два. За это представление мы должны в очередной раз поблагодарить г-на Альберта Коутса и оркестр, которые действительно совершили чудо.

Е.Е.

***

Среди публики были король и королева Испании, принцесса Беатриса, принцесса Алиса, принцесса Хелена Виктория, принцесса и принц Артур Коннаутский, маркиз и маркиза Карисбрук, лорд Леопольд Маунт Баттен, испанский посол, герцогиня Вестминстерская, лорд и леди Фернесс, графиня Лондсборо и лорд Бернс.

The Atheneum. 1919. 14 ноября. С. 1195.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011.

---

⁵ Постановка оперы И.Ф. Стравинского «Соловей», осуществлённая Т. Бичемом в Лондонском Ковент-Гардене в ноябре 1919 г. – ред.

**21 ноября 1919 г. Лондон.
Письмо Н.К. Рериха к Стравинскому И.Ф.**

21 ноября 1919

Дорогое Игорь, спасибо за весточку. Среди русского ужаса всякая дружеская рука особенно тепла — особенно, когда видишь, что весь свет мыслит как бы унижить всё русское. И сколько притом лицемерия, и сколько улыбок, и сколько блеска запломбированных зубов. И душа тоже запломбирована. Жаль, что не можешь прислать «Весну», — я ведь жду обещанный экземпляр с надписью. Вещь, мне посвященную, и вдруг её именно не имею.

Вся твоя часть «Соловья» прошла прекрасно. С большим успехом, и оркестр звучал очень хорошо. Зрительная часть была плоха, а 3-я картина шла в палатке из «Тристана». Всё в Ковент-Гарден утеряно. Вообще антреприза Бичема — сущий кабак, если не сказать хуже. Куда там наша Калуга! И работать с ним просто невыносимо. Единственно хорош оркестр, и потому положение композитора наилучшее. И как я рад сознавать, что твоя музыка настолько безмерно выше французов, показанных Дягилевым. А там ещё этот бездарный Кокто со своей чепухой. Дягилев-то всё видит и понимает. Сейчас буду сочинять новые варианты декораций к «Весне» и реставрируем «Игоря», который в пути совсем поизносился⁶.

Крепко целую тебя, дорогой Игорь. Всем твоим шлём дружественный привет. Сердечно твой

Н. Рерих

Пришли мои картины из Финляндии и теперь мыслю о выставке. Написал много нового.

АрхСБ № 43/0591- 93. Послано в Морж.

Публикуется по изданию: И. Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии. Т. II: 1913-1922. — М.: Композитор, 2000. С. 454.

Из воспоминаний Е.И. Рерих:

Ноябрь 1919 года. Красный Вестник на столбах света. Стою на балконе занимаемого нами лондонского дома, откуда далеко видны площадь и боковые улицы. Небо свинцовое, сумрачное, во всей атмосфере нечто необычайно тяжёлое, зловещее; люди тёмные и серые снуют вдоль улиц и спешат укрыться от надвигающейся грозы. Небо быстро темнеет, и на западе стало чернее чёрного. На фоне этой жуткой тьмы внезапно вырисовалась, занимая собою полнеба, гигантская, розовая и блистающая огненно-красная фигура Архангела* на столбах света, со сворачивающимся свитком в руке и большим золотым ключом у пояса.

---

⁶ Речь идёт о декорации «Половецкого стана» из «Князя Игоря», которая была показана в Лондоне в 1919 в новом оформлении Рериха.

Е. И. Рерих. Архангел Гавриил. Н.К. Рерих. Последний Ангел. 1942. (фрагмент)

Встало сознание совершающегося возмездия. Повернув голову к Востоку, увидела в сумерках, близко от земли поднимающийся серп новолуния и на нём покоящегося прекрасного Младенца, причём одна ножка его была спущена. Поняла это явление как восточный символ рождения Новой Эпохи и Новой Расы.

Во время пребывания в Лондоне после встречи с Великими Учителями, после Их близкого подхода начался ряд замечательных явлений. Я стала замечать вспышки жёлтого пламени в средостении. Каждый вечер у постели появлялись две светлые тонкие фигуры, головы которых застилались серебристым туманом, и отчётливо были видны лишь руки, подававшие мне книги. Видение это с небольшими вариантами продолжалось довольно долго. Иногда мне показывали несколько книг в красных переплётках, другой раз это была огромная раскрытая книга. Часто в воздухе обрисовывалась рука и, держа небольшой восточный сосуд, совершала возлияния вокруг меня.

У постели появлялись две светящиеся серебряные фигуры, у которых на лбу были начертаны светящиеся числа - сроки.

Одну ночь у изголовья встал Светлый Мальчик, на подносе у него лежали кисти, я поняла, что должна протянуть ему руки для помазания, и по очереди протянула ему ладони, которых коснулась кисть Мальчика. После чего я легла на спину и увидела перед собой руку, протягивавшую мне зажжённую свечу, я взяла эту свечу, конечно, не осязая её.

Также видела не раз около себя много глаз, необычайно живых, смотревших на меня, среди которых было много узких, восточных.

Часто просыпалась от толчка, как бы от электрической искры, и начинала видеть. Так видела два сине - серебряных луча, один был наполнен бесчисленными человеческими синими и темными глазами, другой, блеснувший вслед за первым, - мелкими серебряными рыбками самых разнообразных форм.

Были видения в движении, и мне трудно было ухватить их; так, в спиральном вихре в красном свете пронеслась женская фигура, но и это видение не было четким.

Неоднократные видения серебряного голубя, иногда с масличной веткой в клюве.

Также видения очень резкой радуги, особенно ярки были жёлтый и красный цвета.

К этому времени относятся два замечательных видения внутри себя, в области солнечного сплетения. Первое видение произошло поздно вечером, когда я уже лежала в

постели. На фоне сине-зелёном вибрирующего серебром сияния явилась тонкая мужская голова с закрытыми глазами, совершенно лишённая всякой растительности и как бы выточенная из слоновой кости; тип утончённого красивого китайца. Видение это сопровождалось сильнейшим трепетом всего организма, но всё же он был слабее и короче, нежели трепет после посещения меня Светлым Мальчиком.

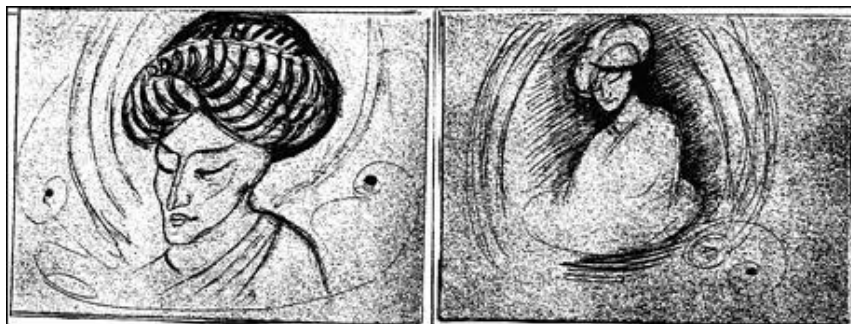
Е. И. Рерих. Автоматический рисунок.

К этому же периоду и даже немного раньше относится постоянное видение тонкой мужской головы ясно выраженного восточного типа. Длинные, темные, слегка волнистые волосы, тонкие черты лица, небольшая борода, слегка раздвоенная, лицо матово - смуглое и огромные глаза, большею частью закрытые, лишь иногда они широко раскрывались, и тогда точно серебряные лучи брызгали из глаз. Голова эта поворачивалась во всех направлениях, чтобы она лучше могла рассмотреть. Голова появлялась на лилово - розовом фоне и в уменьшенном размере.

Видение: довольно многочисленное шествие Индусов в белых одеяниях, в чалмах, причем вокруг некоторых голов золотистые сияния. Идут они к воротам в стенах восточного города. За стеной виднеются вышки пагод и минаретов. Один из тех, у которых было сияние вокруг головы, обернулся и с улыбкой посмотрел на нее.

Видение на пурпуровом фоне - тёмный силуэт смуглого, с густыми курчавыми волосами и бородой Индуса и над ним корона.

Видение двух Индусов в тюрбанах на фоне красной полированной доски. Глаза Их двигались. Видение простояло несколько секунд, и видели его, кроме меня, и мои два сына. Видение это было как бы телевизия.

Публикуется по изданию: Е.И. Рерих. У порога Нового мира. Москва. 2000.

ДЕКАБРЬ

18 декабря [1919]

Письмо Н. К. Рериха к Андреевой А.И.

Дорогая Анна Ильинична.

Пошли Вам Господь Новый Год получше! Ваше письмо меня очень тронуло. Повторяю, если чем могу быть Вам полезен – всегда сделаю с особой радостью.

Теперь дела: 1. Денисовой передал (Думаю, она пригодится ещё.)

2. Насчёт франков просил Вальтера устроить.

3. О дневнике напомнил Милюкову и сказал, чтобы не стояли за ценою.

4. Какое Шведское издательство издаёт «Дневник Сатаны!? Если Al. Bonnier – будьте осторожны, о нём очень предупреждают. И *цена*, и *сроки* – всё должно быть запечатлено нотариально. У меня с ним, кажется, без суда не обойдётся.

Вот Вы хвалите Анну Самойловну, и я её здесь хвалю *больше всех друзей*, а она мне *ни на одно* письмо не ответила – разве это хорошо? И даже весть о сохранности нашей квартиры передала через Шклявера: ладно ли это? Так ей и скажите. Работаю. Готовлю выставку. Конечно, даже и среди здешних деревяшек можно прожить, найти свою публику и средства, но ведь без России-то как же? Ведь я *русский* художник и могу путником пройти по миру, но огонёк дома должен гореть в России. А где она? И что с людьми – дичают, звереют!!

Не знаете ли, что Рудневы, отчего не пишет Шейнин и что <с> Голенищ.-Кутузовым И.И. (Иванов знает его).

Если что нужно, *пишите* всё. Жена (Елена Иван.) шлёт привет.

Ваш Н. Рерих

18. XII. [1919]

Вместо снега грязь здесь. А сколько лицемерия – всё как песком усыпано!

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 11. Андреев Л.Н. оп. 1. Д. 278. Л. 1-2об.

22 декабря 1919 г.

Письмо Н. К. Рериха к Стравинскому И. Ф.

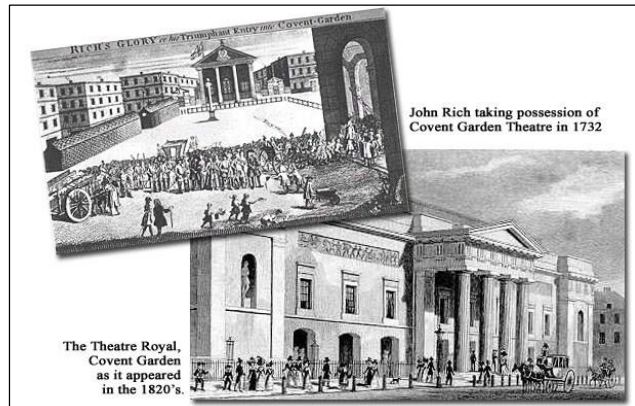
Сердечный привет к Новому году!

Дай Бог тебе написать во славу подлинной России ещё много прекрасных вещей.

Твой Н. Рерих.

Арх СБ № 43/0595. Послано в Морж

КОРОЛЕВСКИЙ ТЕАТР КОВЕНТ-ГАРДЕН

Лондон. Театр Ковент-Гарден 1872 / 1920-е гг.

[28 декабря 1919 г.]

Телеграмма С.П. Дягилева к Рериху Н.К.

Николай Рерих,
25а, Queen's Gate Terrace. Лондон

Счастлив большому успеху пятисотого представления «Игоря». Твоё оформление вызвало восторг у публики всех стран.

Всего наилучшего.

Дягилев

Париж

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Телеграмма. Штемпель: 28 декабря 1919.

Дягилев и Пикассо в мастерской Ковент-Гарден. Лондон, 1919 г.

Из воспоминаний В. Шibaева:

«Впервые я познакомился с Николаем Константиновичем и его семьёй в Лондоне в 1919 году. Тогда я ещё не знал, что эта встреча изменит весь ход моей жизни!

Н. К. зашёл в издательство на Флиит-стрит, где я работал тогда, справиться, не знают ли они кого-нибудь, кто мог бы срочно перепечатать на русской машинке его новую книгу «Цветы Мории». Я был рад это сделать, познакомившись при этом с глубоко своеобразными идеями этих стихов, а особенно с циклами «Мальчику» и «Ловцу, входящему в лес». Я сразу же был привлечён к Рериху как писателю-мыслителю. И потому, конечно, с величайшим удовольствием принял любезное приглашение посетить его выставку в Goupil Gallery в мае 1920 года. Раньше я не видел его картин и только теперь познакомился с Рерихом как мастером живописи. Я сразу же был до такой степени пленён, как искусством его красок, так и широтой и глубиной мысли, что решил всем сердцем посвятить себя его работе, и потому радостно принял последовавшее немного позже предложение поехать с ним и его семьёй в Индию, куда он, по приглашению великого индийского поэта и писателя Рабиндраната Тагора, намеревался вскоре выехать. С моим знанием английского языка я должен был присоединиться в качестве секретаря.

Рерих и Индия, искусство и философия Востока! - неужели эти дерзновенные мечты, такие, казалось бы, несбыточные, могли вдруг стать действительностью?! За выставкой последовало приглашение побывать у Рерихов дома, и я познакомился с Еленой Ивановной и сыновьями Юрием и Святославом. Семья жила в особняке номер 25 по Queens Gate Terrace в Кенсингтоне, красивом жилом районе Лондона, около Гайд-парка.

Лондон, район: Kensington (Кенсингтон)
(Современное фото)

Я ютился тогда в центральной части Лондона, возле Британского музея, и ввиду скромности средств отправился в Кенсингтон пешком. Живо помню, как, придя туда вечером, я был встречен с такой любезностью и радушием, как могут встречать лишь русские и, может быть, индусы. Елена Ивановна, по этой первой встрече, так навсегда и осталась у меня в памяти светлой, радостной, сияющей; она вышла мне навстречу, протянув обе руки, с улыбкой приветствуя меня. Юрий Николаевич и Святослав Николаевич занимались тогда в колледже Лондонского

университета, и у нас быстро сложилась глубокая дружба, сохранившаяся до последних писем Юрия из Москвы и в теперешней переписке со Святославом из Индии. Мало, очень мало таких истинно понимающих, сочувствующих и самоотверженно устремлённых людей в мире.

Домой я вернулся только к полуночи. Всё время было так занято интересными беседами, что я и не заметил, что мы не ужинали и даже не пили чаю. Очевидно, предполагалось, что мы уже поужинали до восьми, и так было всегда при многих дальнейших визитах. Только потом я понял глубокую мудрость этого - ведь у нас всех, таким образом, сохранялась сосредоточенность устремлений, которая прервалась и ушла бы при отвлечении на еду... Это, между прочим, характерная черта творчества Рериха - твёрдо наметив цель и план действия, он не позволял ни себе, ни другим ничем отвлекаться, дабы, как он выражался, не нарушалась «прямызна полёта стрелы» и не пострадала «монолитность действия».

В Англии русским нелегко было получить визу в Индию, но семье Рерихов и мне, как секретарю, визы, в конце концов, были выданы 28 июня 1920 года. Радость была великая, но, как часто бывает в жизни, человек полагает, а судьба располагает. Так и тут! Николай Константинович получил приглашение директора Чикагского института искусств посетить Америку и устроить выставки в тридцати городах Соединённых Штатов. Это было великое дело, огромного значения для распространения истинных основ искусства, и, как мы знаем из событий последующих лет, в продолжение пребывания Н. К. в Америке он учредил там целый ряд художественных и просветительных учреждений. Но это другая знаменательная глава биографии Рериха — в ней я не участвовал и в Америке никогда не был. А пока Н. К. отложил поездку в Индию, и так как секретарь в Америке ему был не нужен, я временно остался в Европе. Рерихи поехали одни и прибыли в Нью-Йорк 2 октября 1920 года.

Владимир Шибает. «Из воспоминаний очевидца».

Публикуется по изданию: Держава Рериха, М. Изобразительное искусство, 1994.

Владимир Анатольевич Шибает. ⁷

---

⁷ Владимир Анатольевич Шибает (1898, Рига - 1975, Кардифф.) Основатель рижского кружка Н.К. Рериха, позднее переросшего в Общество. В 1920 г. в Лондоне Н.К. Рерих приглашает Шибаета на должность личного секретаря.

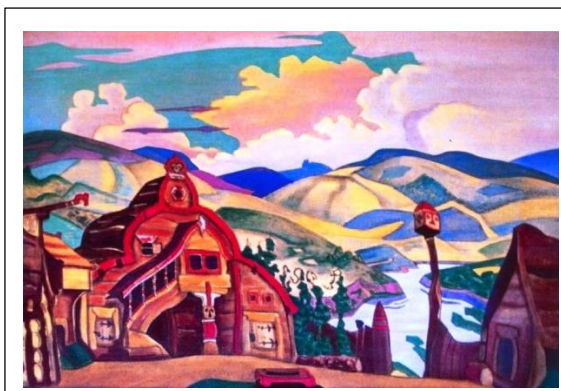
“Снегурочка”. 1919 г. Опера Н.А. Римского-Корсакова.
Лондон. Ковент-Гарден. Эскизы декораций.
(Постановка не осуществлена)

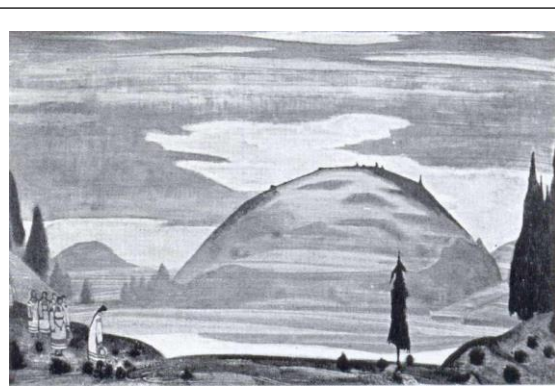
Занавес и портал. 1919.

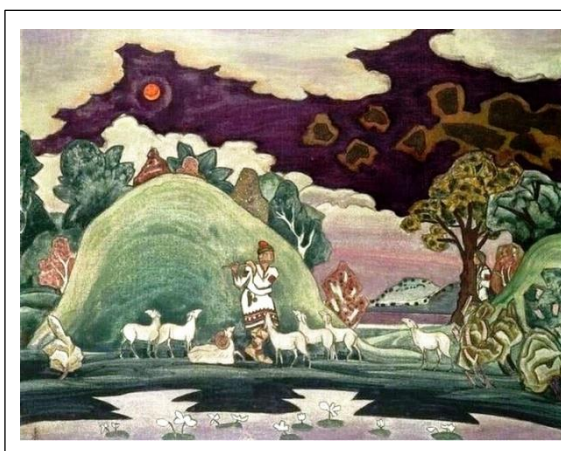
Северная ночь (Пролог). 1919.

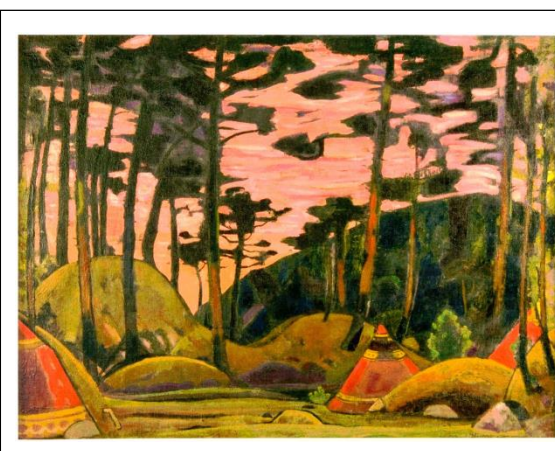
Деревня берендеев. 1919.

Ярилина долина. 1919

Лель (Орфей). 1919

Священная роща. 1919.

ХУДОЖНИК И РЕВОЛЮЦИЯ

(post scriptum)

Н.К. Рерих

РАЗРУШИТЕЛИ КУЛЬТУРЫ

Я спешу ответить на ваш вопрос. Эту статью Н.К. Рерих отдал в распоряжение Русского Комитета Освобождения в Лондоне в 1919 г. В ней он отвечает на вопрос, почему он отмежевался от большевизма. Я отвечу по возможности короче, чтобы только выяснить суть проблемы, которая так тревожит и волнует нас. Искусство и Знание – это краеугольные камни духовной культуры. Всё, что касается этих тем, имеет особое значение. Когда я всё ещё находился в Финляндии и Швеции, ко мне стала поступать информация, в которой большевики изображались как некие покровители и поклонники искусства. Мы знаем, что большевики старательно распространяли такую информацию в левой прессе Швеции и других стран.

«Культурные достижения советского правительства» – так обычно друзья большевиков расхваливают «петроградских Медичи». Такие сообщения, широко распространяемые, вызвали огромную симпатию у интеллектуалов среднего класса, которые и не подозревали, как их обманывают. Долг каждого, кому известно истинное положение и кто исповедует принципы духовной культуры, разоблачить в глазах общественности это мошенничество.

Не позволяйте себя обманывать! Я взываю ко всем, кто считают, что они служат делу прогресса, тогда как под руководством искусных обманщиков они незаметно для себя рушат ступени, ведущие к прогрессу. Но почему же так происходит? «Искусство – это лучший язык для международного общения», – так говорят они теперь. За годы войны, мирового катаклизма, появились новые и, несомненно, имеющие всемирное значение сокровища Искусства и Науки.

Мы знаем из истории, что когда говорят пушки, Музы молчат, но это не относится к нашему времени. С первых дней войны всех волновала судьба сокровищ Искусства и Науки, все негодовали по поводу актов вандализма, любыми путями (пусть даже из корыстных интересов), но сокровища Искусства и Науки сохранялись. Даже человек с улицы (то есть самый простой человек) достаточно развит, чтобы высоко ценить Искусство. Но силы тьмы не дремлют. Любое истинное проявление искусства они обращают в свою пользу. Ради своих тёмных целей они пытаются завладеть лучшими путями человечества. Путь культуры и красоты – это путь неизменно важный для будущего, и его не могли бы одолеть эти искажители жизни. «Цель оправдывает средства» – девиз большевиков. Но даже Иуда, пожертвовавший 30 сребреников на благотворительные цели, всё равно остался Иудой, а творят молитву всё же Ему, кого Иуда предал. Давайте же рассмотрим информацию, которую мы получаем через большевистскую пропаганду, и ту, что мы знаем из реальной жизни. Большевики, присваивая имена тех, кто против своей воли был вынужден остаться в их запятнанных кровью тисках, говорят: «Ни одно правительство в мире не оказывает такую широкую поддержку науке и искусству, как большевистское. Большевики украшают музеи и расширяют библиотеки. Большевики покупают картины для Эрмитажа. Большевики читают лекции и открывают новые университеты, например Институт Мозга.

Хорошо известный учёный вернулся в Советскую Россию в феврале. В театре ставятся новые пьесы. Художники-коммунары пишут полотна и получают высокооплачиваемые заказы.

Во дворцах царит порядок и расставлена уникальная мебель. Музеи преобразились, приобретены новые экспонаты, выставки оформлены с большим вкусом. Школьники обязательно посещают музеи и театры и принимают участие в театрализованных и прочих общественных играх. Растёт число научных работ. Многие художники и люди науки, которые имели возможность покинуть Советскую Россию весной, не воспользовались ею и остались». Всё это большевистский «рай на земле». Левая пресса Швеции, Англии, Франции и Америки постоянно печатает подобную информацию.

А теперь, что касается рая (без кавычек) или, точнее, того, что ведёт к раю.

Почтенный художник Виктор Васнецов расстрелян. *[справка: В.М. Васнецов умер своей смертью в 1926 г. – ред.]*. Лаппо-Данилевский, член Академии наук, умер от голода. Академика Смирнова, профессора Веселовского, профессора Шляпкина, академика Радлова, профессора Фортунатова, знаменитого ботаника Фомицина, знаменитого пианиста Зилоти и некоторых других выдающихся личностей постигла та же участь. Немало профессоров было расстреляно в Киеве. Уникальная мебель и интерьеры многих домов уничтожены. Предметы, взятые из Зимнего дворца, из галереи Юсупова и других коллекций, вывезены за границу. Патриаршая коллекция одежды разграблена. Церкви ограблены. Многие художники и литераторы томятся в тюрьмах. В театрах царит анархия, с актёрами обращаются как с бесправными рабами. Нравственный уровень школьников низок.

Немало других сокровищ народа расплылось по провинциям и по деревням, где их ждёт неминуемая гибель. Во время обысков в домах у художников были отобраны краски, холсты и другие необходимые для работы вещи. Великолепный поэт Бальмонт, такие писатели, как Мережковский и Ремизов, погибают. Что всё это означает? Разве расстрелы и преследования не выявляют истинного смысла того, что происходит? Они – истина без грима.

Но что же означают статьи в радикальной левой прессе о «петроградских Медичи?» – Это организация неслыханного всемирного мошенничества. Общественное мнение подлыми средствами вводится в заблуждение. Мы стали свидетелями хорошо продуманного, широко и тщательно организованного мошенничества. Послушайте большевиков и их фаворитов: «Радетели культуры!» Но мы-то знаем, что все большевистские байки основаны на лжи или на гнуснейшем подкупе. Однако лучшие люди отвергают такой подкуп.

Кроме пресловутых Горького и Шаяпина, большевики предпочитают не называть имён своих сторонников, потому что те знаменитости, которые всё ещё в России, находятся там лишь потому, что им не посчастливилось по нездоровью или из-за материальных трудностей уехать оттуда. Имена таких большевистских приспешников, как Пуни, Пунин, Лурье, Карев, Маяковский и других, не вписаны в книги искусства, даже в новейшие. Их объединяет наглость, отсутствие таланта и преступность. Всё, чем хвастаются большевики, – просто мошенничество, фальшивое представление, имеющее целью обмануть различные комиссии социалистов, которые приезжают знакомиться с большевистским «раем на земле».

Мы знаем истинную цену всем этим собраниям «специально отобранных» интеллектуалов, этим юбилеям, популярным театрализованным спектаклям, дворцовым празднествам и процессиям придворных экипажей.

Весь этот обман организован теперь гораздо лучше, чем прежде, и вся эта деятельность щедро оснащается бумажными деньгами. Нам известно, что большевики пытались подкупить благородного Леонида Андреева, который бы не принял их «залитых кровью» денег. Я лично знаком со всеми этими соблазнительными материальными посулами, и я говорю: «Не слушайте тех сирен, чьи мотивы вам не ясны. Слушайте тех хорошо известных людей, которые сознательно покинули большевиков».

Список тех, кто сознательно расстался с большевиками, растёт день ото дня. Это люди широких взглядов и глубоких знаний в своих областях. Они не станут маскировать свои действия. Прогресс человечества всегда был близок и дорог им. Они создали себе имя истинным личным талантом и упорным трудом. Я привожу наугад несколько имён, к счастью, их число с каждым днём растёт. Писатели и журналисты: Л.Андреев, И.Бунин, А.Толстой, Волынский и другие; профессора и учёные: академик Вальден, профессор Карташов, востоковед Руднев, профессор древней истории Ростовцев, профессора Чупров, Милюков, Струве, Исаев, Карпинский и другие; художники: И. Репин и его сын, Бакст, Лансере, Судейкин, Ларионов, Гончарова, Миллиоти, Билибин, Чамберс, А.Яковлев, Анисфельд и т.д.; композиторы и музыканты: Рахманинов, Стравинский; актёры, певцы и танцовщицы: Павлова, Карсавина, Росинг, Черкасская, Рощина-Инсарова, Фокины, Кяшт, Андреев-Шкилонж, Кузнецова, Дягилев, Евреинов, Комиссаржевский и многие другие, включая многих в Екатеринодаре и Сибири. Спросите этих людей, почему они не с большевиками, если те истинные поклонники Искусства и Науки?

Нужно открыть глаза общественности на мошенничество, так искусно организованное большевиками, злоупотребляющими средствами науки и искусства. Интеллектуальные круги во всём мире поймут, что вместо «петроградских Медици» перед ними Иуды Искарיותы с их вечными 30 сребренниками.

Вульгаризм и лицемерие. Предательство и подкуп. Искажение всех святых основ человечества – вот что такое большевизм. Это наглый монстр, обманывающий человечество. Монстр, который владеет россыпями драгоценных камней. Но подойдите поближе! Не бойтесь взглянуть! Камни-то ненастоящие. Только слабый зрением не увидит, что их блеск фальшив. В этих отблесках гибнет мир. В этих отблесках гибнет настоящая духовная культура. Знайте, наконец, больше, чем вы знали.

12 Сентября 1919 г.
Лондон

Архив Музея Рерихов, Москва.

Н.К. Рерих. Зов (Весть). 1919.
(Однотонное воспроизведение в Монографии А.В. Ярёмко, 1931 г.)